

ществления. *Братская трапеза адептов. Алхимическая тайная вечеря.* Погружение в себя, но и вторжение в живую средневековую действительность. Но такое, однако, вторжение, которое всегда окружают *reservatio mentalis* — *мысленные оговорки*, отсылающие к языческим раннеалхимическим снам: египетскому *Тоту* — эллинскому *Гермесу*, деятелю *ночи и колдовства*, *павиану с полумесяцем на голове*, *посланцу смерти в синем плаще*. *Алхимия — царство тождественностей*. Алхимические обманы не колеблют это царство, ибо *«mundus vult decipi — мир хочет быть обманутым»*. Жизнь алхимической вещи — это сверхжизнь этой вещи, ибо пребывает за пределами ее физической смерти. Отсюда образ *музыки* как алхимически пресуществленной мысли.

Таковы внешнеалхимические очертания романа. Все это мало что значило бы, не будь иных — мифотворческих, то есть куда более алхимических, задач у этого романа. Не будь этот роман и в самом деле об историческом времени и алхимической вечности, о болезни тела и целении духа, о герметическом самовоспитании и о саморазрушении жертвы этого воспитания при первом же столкновении с действительной жизнью, о любви и смерти, рождающей любовь к жизни, приключениях плоти и духа и музыке как преображенной мысли. Это и составляет мифотворческую алхимическую жизнь этого удивительного романа, решающего, разумеется, совсем иные художественные и мировоззренческие задачи. Можно было бы взглянуть на центральные образы романа еще проще — как на вполне внятные алхимические подобию: *мингер Пиперкорн* соответствует архетипу *«больного короля»*, *Ганс Касторп* — это *«сын короля»*, сводящий воедино крайние противоположности — *«светлого» Сеттембрини* и *«темного» Нафту* и свидетельствующий этим единением о существовании истинного идеала человечности. *Ганс Касторп — Клавдия Шоша* воплощают алхимическое — житейски нерезультативное — *«таинство соития»* (Аверинцев, 1972а, с. 144–145). Проникновение в алхимический миф как будто состоялось. Но чего ради? Не ради этого мифа, а ради содания мифа литературного, который может быть понят в контексте всего творчества *Манна*, в контексте истории литературы и новоевропейской истории XX века. Алхимический текст — служебный текст, хотя с несомненностью выговаривает тайные свои смыслы³⁶.

³⁶ Иное дело у *Рильке*, отлившего в сонет (1908 г.) собственно алхимический миф ради него самого, ради алхимика-мифотворца, мифосвидетеля, мифоносителя. Так по крайней мере при первом и даже втором чтении.

*С улыбкой странной отодвинул он
ту колбу, почерневшую от дыма.
Он знал — ему необходимы,
чтоб в самом беле был осуществлен
венец вещей — столетий караван,
тысячелетия и клокотанье
в реторте, и созвездия в сознание,
в мозгу — по крайней мере океан.*